

УДК 821.161.1 (Русская литература)

КАПИТАН ЛЕБЯДКИН И КОМИЧЕСКИЙ ГРОТЕСК В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

© 2020 К.И. Гусакова, В.Ш. Кривонос

Гусакова Кристина Игоревна, магистрант филологического факультета.

E-mail: Cristi-22@yandex.ru

Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы

E-mail: vkrivonos@gmail.com

Самарский государственный социально-педагогический университет.
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 18.05.2020

Предмет статьи: Капитан Лебядкин и комический гротеск. *Объект статьи:* Гротеск Ф. М. Достоевского, элемент комического, русская литература. *Цель проекта:* определить специфику комического гротеска Ф. М. Достоевского и выявить его особенности в романе «Бесы» на примере образа капитана Лебядкина. *Методология работы:* анализ художественного текста, описание, классификация по типу гротеска. *Результаты работы:* рассмотрение такого персонажа, как капитан Лебядкин, дало возможность выявить особенности комического гротеска Ф. М. Достоевского; определить функции гротеска, как художественного приема. *Область применения результатов:* заключается в возможности использования результатов исследования для решения практических задач в области литературоведения; в возможности дальнейшего применения, полученных в результате исследования знаний в достоевковедении; развития исследования по гротеску, как приему в произведениях мировой литературы. *Вывод:* заключается в определении места комического гротеска в творчестве Ф. М. Достоевского; представлено бытование комического гротеска в романе «Бесы»; определены и проанализированы функции гротеска в тексте художественного произведения; выявлены особенности комически-гротескного персонажа.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, гротеск, роман, «Бесы», Лебядкин, комический, трагический, поэтика, литература.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-72-91-96

Комический гротеск является существенным структурным элементом романа Ф.М. Достоевского «Бесы». В предлагаемой статье мы попытаемся выяснить особенности изображения с точки зрения комического гротеска такого персонажа, как капитан Лебядкин, в чьем поведении (что специально отмечали исследователи) обнаруживаются *шутовские* черты, придающие его образу гротескные отсветы. Особого внимания заслуживает в этом плане поэтическое творчество Лебядкина, в котором выражаются не просто его весьма оригинальные (на грани гротеска) представления о мире и человеке, но и свойственные ему и тяготеющие к гротеску манера излагать свое миропонимание и способ самовыражения.

Обратимся к тексту романа и приведем характерный пример, позволяющий понять, почему для самосознания Лебядкина, персонажа с деформированной оптикой, важно видеть и чувствовать себя *поэтом*:

«- Не ответил "почему?" Ждете ответа на "почему"? - переговорил капитан подмигивая. - Это маленькое словечко "почему" разлито во всей вселенной с самого первого дня мироздания, сударыня, и вся природа ежеминутно кричит своему творцу: "Почему?" - и вот уже семь тысяч лет не получает ответа. Неужто отвечать одному капитану Лебядкину, и справедливо ли выйдет, сударыня?»

- Это всё вздор и не то! - гневалась и теряла терпение Варвара Петровна, - это аллегории; кроме того, вы слишком пышно изволите гово-

ритель, милостивый государь, что я считаю дерзостью.

- Сударыня, - не слушал капитан, - я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, - почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебеда*, - почему это? Я поэт, сударыня, поэт в душе, и мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принужден жить в лохани, почему, почему? Сударыня! Помоему, Россия есть игра природы, не более!» [1, с. 169].

В изображенной сцене обнажается склонность капитана, носящего *грубое* (в смысле не «Таракан
Как в стакан
Попадет -
Пропадет,
На стекло -
Тяжело -
Не всползет.

Так и я:
Жизнь моя
Отцвела,
Отбыла...» [6, с. 92].

И т.д.

Сравним у Лебядкина:

«Жил на свете таракан,*

Таракан от детства,

И потом попал в стакан,

Полный мухоедства.

Место занял таракан,

Мухи возроптали.

"Полон очень наш стакан",-

К Юпитеру закричали

Но пока у них шел крик,

Подошел Никифор,

Бла-го-роднейший старик» [1, с. 170].

Очевидной пародийности стихотворения Мятлева противопоставлена у Достоевского столь же очевидная серьезность стихотворения Лебядкина; эта серьезность и призвана создать эффект комического гротеска.

В обоих стихотворениях таракан оказывается в стакане, служащем своего рода символом устройства мира. Если таракан попадает в стакан, откуда ему не выбраться, тем более если он *полный мухоедства*, то его жизнь *отцветет*. Спасение в том, чтобы всползти по стеклу, однако сделать этого таракан не может. В «Бесах» стихотворение Мятлева не пародируется, но пе-

поэтическое) имя, не соответствующее его мнению о себе как о *поэте в душе*, к эпатажному (неслучайно названному Варварой Петровной *дерзостью*) поведению; принужденный, согласно его объяснению, *жить в лохани*, поскольку *Россия есть игра природы*, он раскрывает присутствующее ему гротесковое видение реальности, которое не замедлило проявиться в чтении им далее стихотворения, непосредственно отсылающего к «Фантастической высказке» И. Мятлева, что было отмечено в работах о поэте. Используя средства пародии, он откровенно иронизирует над простодушным лирическим героем, находящим общее в своей жизни и в жизни таракана:

реосмысливается. Метафорическое сопоставление таракана с человеком неотвратимо приближает к той роковой черте, за которой бледный облик таракана и бледный облик человека сливаются воедино, образуя чудовищный фантастический образ «тараканочеловека»: «Антропоинсектиская идея, обозначенная легким поэтическим пером, поражает воображение Достоевского и обретает в его творчестве иной размах, иную глубину» [5]. Идея слияния человека и насекомого потому поражает, что человек увлекается вниз, в бездну; происходит нисхождение и унижение человека: он наделяется отвратительны-

ми свойствами насекомого и утрачивает свойства человеческой личности. Такого персонажа как раз и ждет участь раздавленного таракана, что и происходит с Лебядкиным в финале романа.

Достоевский видит в идее «тараканочеловека» прежде всего отказ от божественного, нетварного начала в человеке, следствием чего становится искажение и гибель души. Так, в сочинении отставного капитана Лебядкина сопоставляются два существа — капитан и таракан. Они как бы рифмуются друг с другом, причем рифмовка фонетическая усиливается рифмовкой смысловой: оба существа числятся «отставными», оба оказываются в одной и той же ситуации, оба выплескиваются в одну «лохань», затягиваются в одну черную, дурнопахнущую воронку, где между ними устанавливается знак равенства; в результате они соединяются в едином образе «таракана Лебядкина».

Как только таракан занимает место в стакане, мухи начинают на него роптать, так как пространство стакана имеет свои пределы. Мухи недаром взывают к Юпитеру – отцу всех богов, ведь у стакана есть и свои установленные высшим началом законы организации *внутренней* жизни. Отказ от них означает уподобление бесконечного мира стакану полному мухоедства. Пока мухи пытаются докричаться до Юпитера, к ним является Никифор; дальше Лебядкин продолжает уже прозой:

«Тут у меня еще не dokonчено, но всё равно, словами! - трещал капитан. - Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет! Вот ответ на ваш вопрос: "Почему?" - вскричал он торжествуя: - "Таракан не ропщет!". Что же касается до Никифора, то он изображает природу, - прибавил он скороговоркой и самодовольно заходил по комнате» [1, с. 170]. Ранее, напомним, Лебядкин утверждал, что *Россия есть игра природы*. Возникает смысловая цепочка: Россия – природа – Никифор. Творит свой Суд над тараканом и мухами не Юпитер, а именно Никифор, который олицетворяет собой *игру природы*. Получается, что природа, естественное устройство мира, выступает против устройства мира, символом которого является стакан: то, что творится за стеклом, в замкнутом пространстве, противоестественно.
«Любви пылающей граната

ственно и должно быть уничтожен. Но таракан, как подчеркивает Лебядкин, *не ропщет*, но склоняется перед этой необоримой силой. Лебядкин проецирует поведение таракана на собственную жизненную ситуацию: он тоже не собирается роптать на действие такого же рода силы, если она заставит его умерить честолюбие и самолюбие.

Стихотворение Лебядкина пророчит события которые развернутся в романе дальше. В слове «мухоедство» заключён «гротескный образ всеобщего взаимоуничтожения» [3, с. 239]. В нем просматриваются как отдельные судьбы персонажей, так и развитие романного сюжета. Лебядкин в своем стихотворении о таракане излагает по сути идеи так называемого «закрытого общества». Его члены озабочены только тем, что происходит внутри этого самого общества, и равнодушны к тому что творится в окружающем их мире; они всегда должны быть готовы защитить свое замкнутое пространство. И вот это закрытое общество, или, по определению Лебядкина, «вся комедия», в мгновение ока распадается и прекращает борьбу, когда железной рукою природы «выплескивается в лохань» — в небытие.

Смерть представляется единственно возможным выходом из состояния *мухоедства*, и отставной капитан проповедует ее безропотное принятие. Финал романа подтверждает разделяемую им идею: мухоедство может быть прекращено только смертью. Но почему все же таракан *не ропщет*? Да потому, что сознает, будто он лишний в этом стакане, полном мух. И знает, не строя иллюзий, смиряясь и пассивно принимая свою неизбежную участь, что они его уничтожат; хоть он тоже насекомое, однако абсолютно иное.

Но вопрос *почему* тем не менее прозвучал в его речи: «Я мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принужден жить в лохани, почему?» [1, с. 169]. Сумма в тысячу рублей образует с лоханью значимую оппозиционную пару; с получением этой самой тысячи Лебядкин смог бы выбраться из лохани, где *принужден жить*; он смог бы преодолеть замкнутое пространство, а вместе с ним и ощущение загнанности, и открыть для себя другой мир.

У Лебядкина, *поэта в душе*, есть и стихотворения любовного содержания, обращенные к Лизавете Николаевне Тушиной:

Лопнула в груди Игната.

И вновь заплакал горькой мукой

По Севастополю безрукий» [1, с. 114]

В своей любовной лирике Лебядкин демонстрирует свойственные ему тщеславие и самолюбие; страсть к Тушиной граничит с ненавистью к ней. Он сравнивает свое чувство с гранатой, от взрыва которой испытывает физические страдания. Упомянув о своем военном прошлом, Лебядкин говорит о ранении, потере рук, однако, как известно из повествования, в армии он не служил, хоть и именуется себя *капитаном*. Следующая его реплика подтверждает отмеченный факт: «-Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий*, но каковы же рифмы!».

«И порхает звезда на коне

В хороводе других амазонок;

Улыбается с лошади мне

Ари-сто-кратический ребенок.

"Звезде-амазонке"» [1, с. 114]

Лебядкин называет Лизавету амазонкой, которая является *звездой* в хороводе наездниц; при этом образу *звезды* он противопоставляет образ *ари-сто-кратического* ребенка, графически и лексически подчеркивая насмешливое отношение к Лизавете. В стихотворении противоречиво сочетаются симпатия к предмету его любовной страсти и зависть: он бы хотел быть равным ей, но это невозможно. Примечательно, что Лебядкин определяет жанр свое сочинение как гимн: «-Да ведь это же гимн! Это гимн, если ты не осел! Бездельники не понимают! Стой! - уцепился он за мое пальто, хотя я рвался изо всех сил в калитку. - Передай, что я рыцарь чести, а Дашка... Дашку я двумя пальцами... крепостная раба и не смеет...». Лебядкин подчеркивает, что понять его вирши способен только человек, равный ему по интеллекту; всех прочих, кому недоступен смысл его опуса, он называет ослами и бездельниками. Понимающим читателем его

«Краса красот сломала член

И интересней вдвое стала,

И вдвое сделался влюблен

Влюбленный уж немало» [1, с. 253]

Лебядкин так озаглавил цитируемое стихотворение, посвященное Лизавете Тушиной: «В случае, если б она сломала ногу». Вообразив себя поэтом и к тому же влюбленным, он описывает предмет своей страсти, *красу красот*, увечной, но ставшей по этой причине *вдвое* привлекательней; принижая Лизавету, он тем самым не только уравнивает себя с ней, но и возвышает себя, доказывая, что его чувства не знают пре-

Главное – зарифмовать, чтобы стихи зазвучали, пусть они и не несут какого-либо смысла, как лишено его собственное существование. В своем письме к Лизавете Лебядкин признается: «Всех более жалею себя, что в Севастополе не лишился руки для славы, не быв там вовсе, а служил всю кампанию по сдаче подлого провианта, считая низостью». Потеря руки – это в его представлении знак славы; поэтому он испытывает разочарование, что не приобрел (пусть и такой ценой) известности, к которой так старательно стремится.

произведений он видит человека интеллектуально развитого и деятельного. Парадокс в том, что Лебядкин, заботящийся не о смысле написанного, а только о звучных рифмах, выступает в роли *бездельника*.

Капитан называет себя «рыцарем чести», хоть соблюдение норм *чести* и проявления *рыцарства* его образу жизни не очень свойственны; поступки, им совершаемые, указывают на низменность его натуры. Тем не менее ему важно доказать всем и убедить сомневающихся, что он *поэт*, а не графоман, и что все его стихи отличаются глубиной. Вот таракан *не ропщет*, потому что он – рыцарь, смеет поступать смело и благородно, а раба не смеет, поэтому и ропщет. Но таракан, как и сам Лебядкин, не ропщет именно потому, что не смеет противиться силе, способной его раздавить. Его стихотворения содержат на вопрос о сущности его характера, о его настоящем лице:

дела. Объясняя ход своей мысли, Лебядкин указывает, что дело идет о фантазии или бреде поэта: «Фантазия, Николай Всеволодович, бред, но бред поэта: однажды был поражен, проходя, при встрече с наездницей и задал материальный вопрос: "Что бы тогда было?" - то есть в случае. Дело ясное: все искатели на попятный, все женихи прочь, морген фри, нос утри, один поэт остался бы верен с раздавленным в груди серд-

цем. Николай Всеволодович, даже вошь, и та могла бы быть влюблена, и той не запрещено законами» [1, с. 252]. Но объяснение лишь раскрывает его полную несостоятельность как влюбленного, пытающегося продемонстрировать столь странным образом свое превосходство в сравнении остальными поклонниками Лизаветы, *искателями и женихами*.

«Совершенству девицы Тушиной.

Милостивая государыня,
Елизавета Николаевна!
О, как мила она,
Елизавета Тушина,
Когда с родственником на дамском седле летает.
А локон ее с ветрами играет,
Или когда с матерью в церкви падает ниц,
И зрится румянец благоговейных лиц!
Тогда брачных и законных наслаждений желаю
И вслед ей, вместе с матерью, слезу посылаю.
Составил неученый за спором» [1, с. 127].

Между тем чувства Лебядкина, вновь упоминающего, что Лизавета ездит верхом, не просто поверхностны; по сути он пишет не о предмете своей любви, но о самом себя, себя самого и восхваляя. Говоря, что желает *брачных и законных наслаждений*, он рисует образ честного рыцаря, чьи намерения высоки и благородны. Но оборот *законных наслаждений* говорит о том, что желаемые им наслаждения положены ему по закону, что он заслужил их благодаря своему поэтическому таланту, заслужил законным путем. Посылая *слезу* не только Лизавете, но и ее матери, он указывает, что помыслы его чисты; называя себя *неученым*, он тем не менее ведет спор и сочиняет за спором поэтический свой шедевр. На самом деле он себя, конечно, *неученым* не считает. Это всего лишь игра, которую ведет капитан, хотя и без особого успеха.

К приведенному стихотворению прилагается записка: «Может ли солнце рассердиться на инфузорию, если та сочинит ему из капли воды, где их множество, если в микроскоп? Даже самый клуб человеколюбия к крупным скотам в Петербурге при высшем обществе, сострадая по праву собаке и лошади*, презирует краткую инфузорию, не упоминая о ней вовсе, потому что не доросла». Ранее Лебядкин упоминал таракана и вошь, сейчас же он и вовсе сравнивает себя с простейшим одноклеточным организмом, который можно увидеть только в микроскоп. Он говорит, что не дорос до упоминания его *высшим*

Стремлять показать себя рыцарем чести (*морген фри, нос утри*), Лебядкин остается всего лишь тараканом, попавшим на свою беду в стакан с мухами. Даже не тараканом, а на этот раз вошью, упоминаемой в стихотворении; ведь все, как он утверждает, имеют право любить, даже такие низменные создания. А уж он-то, способный восхититься *красой красот*, тем более:

обществом, обнаруживая ущемленное самолюбие; называя Лизавету солнцем, а себя инфузурией, Лебядкин пытается вызвать сочувствие к своей персоне, принимающее форму жалости женщины к влюбленному в нее мужчине: «Не дорос и я. Мысль о браке показалась бы уморительною; но скоро буду иметь бывшие двести душ чрез человеконенавистника, которого презирайте. Могу многое сообщить и вызываюсь по документам даже в Сибирь. Не презирайте предложения. Письмо от инфузории разуместь в стихах».

Настроение, описываемое в письме, между тем меняется: здесь он уже не несчастный влюбленный, а деловой/деятельный человек, который готов что-то сделать для их с Лизой благополучия и возможности брака. Инфузория, сочиняющая стихи, не так проста, как может показаться, и Лебядкин пытается это доказать Лизавете. Он готов принизить себя перед ней, чтобы доказать свои значительность и великодушие, но не удерживается на высоте занятого им положения, когда прибегает к комической подписи-автохарактеристике: «Капитан Лебядкин, покорнейший друг и имеет досуг». Рифмующиеся слова «друг» и «досуг» звучат как насмешка над адресатом, что явно дискредитирует его как влюбленного. Но именно такой ход, поэтический и сюжетный, и реализует существенный для романа Достовского принцип комического гротеска, в свете которого сама фигу-

ра капитана Лебядкина предстает его, комиче- ского гротеска, своеобразным олицетворением.

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений [Текст]. В 17 т. Т. 10. Роман «Бесы» / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1974. – 520 с.
2. Манн, Ю. В. О гротеске в литературе / Ю. В. Манн. – М.: Советский писатель, 1966. – 183 с.
3. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков ; пер. с англ. С. Антонова, Е. Гольшевой, Г. Дашевского и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 384 с.
4. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. - М., 1987. - 544 с.
5. Лукин, Е. Философия капитана Лебядкина. Публикуется по изданию: журнал «Нева» № 4, 2006 / СПб. – URL: / <https://magazines.gorky.media/neva/2006/4/filosofiya-kapitana-lebyadkina.html> (дата обращения: 25.05.2020).
6. Мятлев, И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой / И. П. Мятлев. - Л.: Советский писатель, 1969. – 647 с. [Библиотека поэта. Большая серия.]

CAPTAIN LEBYADKIN AND THE COMIC GROTESQUE IN THE NOVEL OF F.M. DOSTOEVSKY “BESY”

© 2020 K.I. Gusakova, V.Sh. Krivonos

Kristina I. Gusakova, graduate student of the Faculty of Philology.

E-mail: Cristi-22@yandex.ru

Vladislav Sh. Krivonos, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature

Email: vkrivonos@gmail.com

Samara State Social and Pedagogical University.
Samara, Russia

The subject of the article: Captain Lebyadkin and the comic grotesque. Object of the article: Grotesque F. M. Dostoevsky, an element of the comic, Russian literature. The goal of the project: to determine the specifics of the comic grotesque of F. M. Dostoevsky and to reveal its features in the novel “Demons” by the example of the image of captain Lebyadkin. Methodology: analysis of literary text, description, classification according to the type of grotesque. Results of the work: consideration of such a character as captain Lebyadkin made it possible to reveal the features of the comic grotesque of F. M. Dostoevsky; to determine the functions of the grotesque as an artistic device. Scope of the results: lies in the possibility of using the results of the study to solve practical problems in the field of literary criticism; in the possibility of further application obtained as a result of the study of knowledge in the pre-study; the development of research on the grotesque, as a reception in the works of world literature. Conclusion: it consists in determining the place of the comic grotesque in the work of F. M. Dostoevsky; the existence of the comic grotesque in the novel “Demons” is presented; defined and analyzed the functions of the grotesque in the text of a work of art; features of a comic-grotesque character are revealed.

Keywords: F. M. Dostoevsky, grotesque, novel, “Demons”, Lebyadkin, comic, tragic, poetics, literature.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-72-91-96

1. Dostoyevskiy, F. M. Polnoye sobraniye sochineniy [Tekst]. V 17 t. T. 10. Roman «Besy» (Complete Works [Text]). In 17 vol. T. 10. The novel "Demons" / F. M. Dostoyevskiy. – L.: Nauka, 1974. – 520 s.
2. Mann, YU. V. O groteske v literature (About the grotesque in literature) / YU. V. Mann. – M.: Sovetskiy pisatel', 1966. – 183 s.
3. Nabokov, V. V. Lektsii po russkoy literature (Lectures on Russian literature) / V. V. Nabokov ; per. s angl. S. Antonova, Ye. Golyshevoy, G. Dashevskogo i dr. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. – 384 s.
4. Bakhtin, M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa (The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance) / M. M. Bakhtin. - M., 1987. - 544 s.
5. Lukin, Ye. Filosofiya kapitana Lebyadkina (Philosophy of Captain Lebyadkin). Publikuyetsya po izdaniyu: zhurnal «Neva» № 4, 2006 / SPb. – URL: / <https://magazines.gorky.media/neva/2006/4/filosofiya-kapitana-lebyadkina.html> (data obrashcheniya: 25.05.2020).
6. Myatlev, I. P. Stikhotvoreniya. Sensatsii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy (Poems. Sensations and remarks of Mrs. Kurdyukova) / I. P. Myatlev. - L.: Sovetskiy pisatel', 1969. – 647 s. [Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya.]